

К ИСТОРИИ ЕЙСКОГО КРАСНОГО ДЕСАНТА, ВЫСАЖЕННОГО ПОД ТАГАНРОГОМ В ИЮНЕ 1918 г.

Попытка описания истории так называемого «красного десанта» впервые была предпринята в брошюре, изданной Таганрогским окружкомом ВКП(б) в 1927 г. [1]. В ней канва событий ограничивается военными аспектами высадки и разгрома десанта, но не раскрываются некоторые весьма важные обстоятельства, предшествовавшие этой операции. В результате умалчивания множества фактов причины военной акции красных трактовались заведомо однобоко.

Весной 1918 г. под давлением наступавших немецких войск в Таганрог стали съезжаться из Киева, Одессы, Кривого Рога и Луганска функционеры Центральных исполнительных комитетов Украинской советской республики (В. Затонский, С. Косиор и др.), Донецко-Криворожской республики (Артем и др.), РумЧерОд (Х.Г. Раковский, Л.З. Мехлис и др.) [2, 3]. Вместе с украинским советским правительством в Таганрог прибыл Центральный комитет чехословацкой социал-демократической рабочей партии, а также штаб чешско-словацкой Красной гвардии [4]. В конце марта сюда же из Москвы прибыли лидеры российских эсеров – Б.Д. Камков (Кац), В.А. Карелин, И.З. Штейнберг [3]. Известно, что левые эсеры категорически не воспринимали положения Брестского мира, ставя перед собой задачу его срыва. Эти цели партии отчетливо были выражены в публикациях эсеровских газет, в материалах заседаний ВЦИК, резолюциях губернских съездов [5]. На страницах издаваемых в Таганроге газет социалисты обсуждали насущные задачи нового революционного подъема в стране.

Общественная поддержка эсеровских идей в Донской области и на Кубани была весьма значительной. На это указывают опубликованные советскими исследователями данные о партийном составе делегатов уездных съездов Советов в 1918 г., хотя нельзя исключать, что статистика была искажена. Так, в Ейском уезде на долю большевиков приходилось 90 делегатов, а левых эсеров – 60. В других уездах Кубанской области соотношение было в пользу левых эсеров, но значительной была доля и правых эсеров. В Донской области левых эсеров было больше почти в 2,5 раза, чем в Ейском уезде. Следует также учитывать тот факт, что в Таганрогском округе существовали 123 немецкие колонии, большая часть которых располагалась на небольшом удалении от северного побережья Азовского моря. Их политические настроения были неопределенными, но к лету 1918 г. явно антибольшевистскими [6]. Таким образом, при наступлении немцев из Северного Приазовья в Ейск переместилась значительная часть эсеров, повлиявшая на расстановку политических сил в городе.

Во время описываемых событий левоэсеровский отряд Таганрогского военкома арестовал ряд министров советской Украины. В номерах гостиницы, где жили лидеры большевиков, произвели обыски и захватили часть казенных средств, хранившихся у С. Косиора [3]. Реквизиция значительной суммы была произведена

под предлогом ее использования на продолжение революционной войны на Украине. Однако нельзя исключать, что часть «средств Косиора» была вывезена в Ейск и использовалась на подготовку «красного десанта». Если бы эту версию удалось доказать на основе документов (хотя сомнительно, чтобы таковые сохранились после московского восстания эсеров), стало бы очевидно, что замысел таганрогского десанта зародился не в Ейске, а в Таганроге и предназначался для срыва Брестского мира. Такое видение проблемы прослеживается в статье таганрогского историка К.А. Хмелевского [2]. Причем он полагал, что «антибрестскую» политику проводили и кубанские социалисты, фактически используя командуящего армией, большевика К.И. Калнина, «втемную». Основанием для такого предположения может служить запись в дневнике генерала А.Е. Снесарева, в котором он дает следующую характеристику командиру Кубано-Черноморской армией: «Сам Калнин – трудолюбивый фанатик, партийно чистый, но безграмотный, бессильный, не разбиравшийся в огромной роли...» (остальные листы дневника уничтожены А.Е. Снесаревым) [7].

Перед захватом немцами Таганрога лидеры советских организаций успели выехать в Москву. Но боевики и часть партийных функционеров вынуждены были переправиться с революционными отрядами в Ейск. Больше им деваться было некуда – Крым и Северное Приазовье были уже в руках немцев, низовье Дона контролировали донские казаки и частично Добровольческая армия. Караван судов с рабочими отрядами и совдеятелями вышел в ночь с 30 апреля на 1 мая 1918 г. [4]. В Ейске они оказались свидетелями, а возможно и участниками противоборства красных отрядов и казачьих формирований, предположительно 10 станиц Ейского отдела. На то что значительная часть совслужащих РумЧерОд, Криворожско-Донецкой республики оказались в Ейске, указывает факт принятия Л.З. Мехлиса, до того бывшего членом партии Поалей Цион, в партию большевиков именно в Ейске [8].

Но 1 мая в Ейский порт из Керчи пришло несколько судов с Черноморским полком, возглавляемым И.Ф. Федько, и несколькими отрядами керченских рабочих [9]. И в этом случае переброска красных войск объяснялась наступлением немцев на Керчь. Исследователи до настоящего времени не имели возможности подтвердить факт скопления значительного числа судов с красными отрядами в Ейске. Этот вопрос обходили в своих публикациях В. Корнильев, в те годы состоявший в партии эсеров, и И.Л.Хижняк, в мемуарах представлявший себя в качестве едва ли не основного руководителя отражения нападения казаков на город в ночь с 30 апреля на 1 мая [10, 11]. Подтверждает факт скопления большого числа судов в Ейске аэрофотоснимок Ейского порта, выложенный в интернете [12]. Известно, что немцы использовали аэропланы для разведки и даже бомбардировки судов красного десанта. Но теперь выясняется, что они загодя проводили аэрофотосъемку порта с целью уяснения масштабов опасности, которая могла грозить им со стороны красноармейских войск, сосредоточенных в Ейске.

На аэрофотоснимке, предположительно снятом в конце мая или начале июня 1918 г., немецкий летчик зафиксировал вдоль восточного причала ковша (или как раньше называли – бассейна) 9 крупных судов и 4 мелких, вдоль западного

располагались 9 крупных судов, а вдоль южного борта бассейна – 14 мелких. Длина крупных судов составляла 64-70 м, а мелких 22-30 м. Последние относились к классу паровых шаланд, буксиров и катеров. Детально дешифровать аэрофотоснимок позволяет план Ейского порта, составленный в январе 1905 г., но корректировавшийся в июне 1914 г. и использованный также в феврале 1925 г. [13]. На плане и аэрофотоснимке видно одно и то же количество и местоположение амбаров вдоль восточной бровки бассейна и административных зданий вдоль западной. Но на аэрофотоснимке показано железнодорожное полотно и составы вдоль восточного и западного причалов. Строительство железной дороги от станции Сосыка к Ейску было завершено к лету 1911 г. [14]. В 1913-1914 гг. удалось построить железобетонное крепление в восточном бассейне аванпорта. В течение 1916 и 1917 гг. сооружены пирсы у торцевой части бассейна и западной части аванпорта. В 1918 г. была построена свайная пристань в восточной части бассейна [15]. Только после этого были уложены две постоянные железнодорожные ветки. Таким образом, данные начальника Ейского порта Блюменталля позволяют утверждать, что снимок действительно относится к 1918 г.

Известно, что в начале весны 1918 г. в Ейск перебазировалась Азовская военная флотилия, предположительно сформированная в Севастополе [16]. В ее составе насчитывалось 15 переоборудованных судов, причем самыми крупными были крейсер пограничной стражи «Ястреб» и вероятно 4 болиндера. Это десантные самоходные баржи, в царское время построенные в Николаеве и оснащенные паровыми двигателями Болиндера. В одном из интернетовских изданий приводится более детальный список и там число судов флотилии составляет 16-17 [17]. Однако нельзя игнорировать сведения, изложенные в газетных публикациях того времени: «В Ейском лимане стояли два болиндера, суда «Геркулес», «Ястреб», «Трампуш», «Аю-Даг», три тральщика, яхта «Титания», несколько буксиров, да 2-3 угольные баржи» [18]. Газетные сведения несколько отличаются от ранее приведенных, хотя и не принципиально. Имеющиеся данные позволяют предполагать, что крупных судов в составе Азовской флотилии вряд ли было больше 4-5. В Таганрогском порту не могло находиться большое число крупных судов (которые 30 апреля 1918 г. перешли в Ейск), учитывая малые габариты нового и Петровского бассейнов, высокую степень заносимости как подходного канала, так и всей гавани. Дноуглубление там не производилось по крайней мере с начала первой мировой войны. Поэтому, скорее всего, не менее 5-7 крупных судов пришло в Ейский порт из Керчи под руководством командующего Крымским восточным фронтом И.Ф. Федько.

Немецкие исследователи, анализируя высадку десанта под Таганрогом, отмечают, что в 6⁰⁰ 10 июня германские наблюдатели заметили сначала 9 десантных кораблей, а спустя 4 часа их количество возросло приблизительно до 30 судов разного типа [19]. Если соответствуют действительности эти сведения, то в высадке десанта приняли участие все крупные суда, возможно кроме крейсера «Ястреб» и яхты «Титания», имевших радиостанции. Они могли использоваться в качестве штабных судов.

Некоторые исследователи утверждают, что первоначальный замысел высадки десанта непосредственно в гавани Таганрога, сорвался по «причине плохого знания фарватера»[1]. Это странное утверждение, если учесть, что после прихода из Севастополя Азовская флотилия по борьбе с контрреволюцией размещалась сначала в Мариуполе, а позже перебазировалась в Таганрог [16]. Подходной канал к Таганрогскому порту, протяженностью 4320 саж. и глубиной 12 фут., был огражден девятью парами неосвещаемых и семью парами освещаемых белым огнем вех [20]. Таганрогский маяк обеспечивал навигацию вплоть до плавучего Беглицкого маяка, располагавшегося примерно на меридиане оконечности косы Беглицкой. Командир С. Клово и командир флотилии И.Я. Герштейн были таганрожцами, как и многие участники десанта. Они хорошо представляли себе особенности строения берега и подводного склона.

Скорее всего, в ходе подготовки десанта таганрогские участники эсеровского центра партизанской борьбы предупредили ейских руководителей о каких-то изменившихся обстоятельствах, возможно связанных с действиями оккупационных властей и владельцев ряда крупных таганрогских заводов. Но откладывать десант было нельзя. Красные войска И.Л. Сорокина, по замыслу командующего войсками К.И. Калнина, должны были удержать участок фронта у Батайска и осуществить демонстративное движение в сторону Ростова. Тем самым предполагалось отвлечь часть немецких сил от Таганрога, что позволило бы местным подпольным отрядам поднять восстание и поддержать действия десанта. Но К.И. Калнин в беседе с руководителем Северо-Кавказского военного округа генералом А.Е. Снесаревым отмечал авантюрный характер красных командиров и самого И.Л. Сорокина, не придерживавшихся основных правил тактики ведения оборонительных и наступательных действий [7].

Анализ гидрометеорологических данных свидетельствует, что в апреле – мае, вплоть до первой половины июня над акваторией Таганрогского залива в XX в. всегда преобладали ветры и волнения от востока и северо-востока. При скоростях ветра свыше 12-15 м/сек уровень воды довольно быстро снижается. При этом осушается значительная часть подводного склона как вдоль северного и южного побережья, так и в пределах вершины залива, где расположен подходной канал Таганрогского порта. Можно утверждать, что именно этот фактор явился решающим препятствием высадки части десанта непосредственно в порту. Наиболее сложный рельеф мелководья характерен для участка дна между так называемой косой Золотой (3-4 км западнее дер. Русская) и устьем Миусского лимана. Наоборот, наиболее приглубый склон в рассматриваемый период существовал между дер. Русской, с. Новомарьинским и дер. Веселой. Об этом свидетельствует морская карта Таганрогского залива издания 1928 г. [20]. Здесь изобата (линия равных глубин) 3,6 м располагалась примерно в 2,5 км от берега, а изобата 2,1 м в 300-400 м от берегового обрыва. Как раз на этом участке и высаживался основной десант. Это указывает на то, что командование десанта действовало не вслепую, как написано в книге И.Л. Хижняка, а отталкиваясь от реального строения берега и подводного склона. Важно учитывать и то, что в пределах перечисленных поселений существовали искусственные или естественные

пологие склоны, позволявшие даже вручную выкатить орудия на поверхность лессового плато. На других участках обрыв возвышался над поверхностью моря на 15-20 м, что создавало непреодолимые препятствия не только для транспортировки техники, но и перемещения людей. Но погодные условия резко ухудшили ситуацию, при которой уровень воды снизился как минимум на 0,5 м, заставив суда бросить якорь на гораздо большем удалении от берега.

В советское время основной причиной провала десанта было принято считать отход армии И.Л. Сорокина от Батайска, что позволило немцам перебросить несколько батальонов под Таганрог. В последнее время некоторые историки склонны сомневаться в намеренном оставлении фронта. Скорее всего, большевистские «конники» при столкновении с организованным сопротивлением дисциплинированных и умелых войск поддались панике и обнажили некоторые участки фронта. К тому же немцы использовали авиацию, а возможно даже высадили с подошедших из Генического и Бердянска катеров небольшой десант. К этой мысли подталкивает фраза в дневнике А.Е. Снесарева: «... немцы, не будучи в силах взять Батайск с фронта, берут его обходом на Ольгинскую и Хомутовскую» [7, с. 8]. Следует также учитывать, что Д.П. Жлоба и Ф.К. Миронов, входившие со своими отрядами в состав группы И.Л. Сорокина, постоянно интриговали против него, самовольно перебрасывали подразделения по своему разумению. Еще больше проблем порождал отряд под командованием анархистки Маруси Никифоровой, действовавший в плавнях Дона, западнее Батайска.

Вряд ли можно сомневаться, что замысел «красного десанта» предназначался не столько для освобождения Таганрога и Ростова от немецких частей, сколько преследовал цель срыва Брестского мира. На эту гипотезу «работает» и тот факт, что комдив 1-ой внеочередной дивизии С. Клово и командир Азовской флотилии И.Я. Герштейн не выполнили первый приказ В.И. Ленина о потоплении судов Азовской флотилии. Поскольку ключевые руководители в Ейске, Екатеринодаре и на Батайском фронте были эсерами, они выстраивали принципиально иную, чем большевики, линию поведения. Совет Народных Комиссаров, видимо, это учитывал. В.И. Ленин направил приказ через главного комиссара Черноморского флота Н.П. Авилова-Глебова в конце мая, в дни работы III Чрезвычайного объединенного съезда Советов Кубани и Черноморья, проходившего в Екатеринодаре [21]. Но эсеры это распоряжение проигнорировали. Поэтому понятно, что нота немецких оккупационных властей советскому правительству по поводу высадки «красного десанта» вызвала резкую реакцию со стороны В.И. Ленина. В ночь с 10 на 11 июня 1918 г. он отправил в Ейск командованию Азовской флотилией и отдельно Сталину в Царицын для передачи К. Калнину и С. Клово две телеграммы. В одной из них говорилось: «Категорически требуем, чтобы никакие русские суда не выходили из гавани, в противном случае виновные будут подлежать ответственности перед революционным трибуналом. Интересы Республики настоятельно требуют соблюдения Брестского договора, неподвижного пребывания русских судов в гаванях. Ленин. Наркомвоен. Нарком иностранных [дел] Чичерин. Москва, 10 июня 1918 г.» [22].

Из-за стечения случайных природных и военных обстоятельств замысел левых эсеров в Приазовье не удался. Немецкое командование хотя и поспешило осуществить ряд военно-административных мер, но из-за начинающихся революционных брожений в Германии радикально ухудшить ситуацию «красных территорий» уже не могло. Левые же эсеры компенсировали неудачу в Приазовье вооруженным восстанием 6 июля 1918 г. в Москве [5].

При анализе истории таганрогского десанта необходимо учитывать особенности латышских командиров. А.Е. Снесарев так их характеризовал: «Отношение [лыташей] к русским презрительное, антисемитизм упорный... они яркие шовинисты и националисты, жестоки и мстительны... Русским военным работать невозможно: за неудачи – к стенке... У латышей всегда «военная неудача»...» [23, с. 118]. Переломить ход событий не смог находившийся в тот момент в Ейске верный ленинец К.И. Шутко. Доверие к нему В.И. Ленина проявилось в том, что еще в начале марта 1918 г. по постановлению СНК он был введен в состав Высшего Военного Совета Советской республики в качестве одного из политкомиссаров при М.Г. Бонч-Бруевиче [24]. Его роль в ейских событиях 1918 г. не ясна, хотя почти он наверняка пытался мешать организации «красного десанта». Ничего не мог сделать и Х. Раковский, ограничившийся лишь информированием В.И. Ленина о ходе событий.

Разгром таганрогского десанта был воспринят руководством Кубано-Черноморской республики как измена революционному делу. Командующий 1-ой Внеочередной дивизией С. Клово, командующий Азовской флотилией И.Я. Герштейн и другие офицеры были арестованы. Однако спустя некоторое время Сигизмунд Клово был освобожден, получив приказ формировать 2-ую Внеочередную дивизию. При этом возникает вопрос – на какие средства предполагалось формировать роты и батальоны. Очевидно, что призыв в ряды красных полков требовал средств не только для обеспечения продуктами, оружием, боеприпасами и обмундированием, но и для выплаты содержания солдатам и командирам.

В начале 1918 г. в Красной армии содержание составляло 10 руб. в месяц на солдата. В Белой армии 30 руб. в месяц получали солдаты, а офицеры 100 руб. [25]. Интересно, что в это же время суточное жалованье немецких солдат из числа оккупационных войск составляло 7 руб., то есть не менее 200 руб. в месяц. Офицеры же получали 750 руб. в месяц [26]. Позже Л. Троцкий добился увеличения выплат как солдатам, так и офицерам. Даже если считать дивизию неполного состава, численностью 4-5 тыс. чел., то и в этом случае единовременные расходы должны были превысить 150-200 тыс. руб. В сложившихся обстоятельствах Ейск уже не мог рассчитывать на деньги подпольного комитета левых эсеров. Но нельзя сбрасывать со счета возможность использования средств Петроградской ссудной казны, часть которых с конца 1917 г. была перебазирована в Ейск.

Перемещение ценностей из Петрограда и эвакуация части персонала государственных учреждений осуществлялась в соответствии с решением министра финансов Временного правительства, вынужденного считаться с возможностью захвата Петрограда наступающими немецкими войсками. Почему именно Ейск был

выбран в качестве места эвакуации, наряду с Москвой и Екатеринбургом? Правительство не стало даже рассматривать те города, которые потенциально могли оказаться в сфере немецкой оккупации, то есть города севернее линии Мариуполь – Таганрог – Ростов. В отличие от Екатеринодара и других городов Кубанской области Ейск имел пароходное сообщение с Одессой, Крымом и Новороссийском, а железнодорожным транспортом – с Центральной Россией, городами Ставрополя и Поволжья. В городе к этому времени действовали филиалы нескольких крупнейших банков России. Как отмечали служащие Министерства финансов, в Ейске существовал обширный жилой фонд, к тому же гораздо более дешевый, чем в других местах юга России, значительная часть площадей и улиц была замощена гранитным камнем, что создавало цивилизный облик. В 1916 г. в Ейск из Польши было перебазировано Плоцкое отделение Госбанка, а в октябре 1917 г. – Департамент таможенных сборов Минфина. 15 октября сюда же были вывезены 700 ящиков с серебром и 580 ящиков с денежными вкладами Петроградской ссудной казны. Стоимость серебряных закладов и денежных вкладов, согласно опубликованной ведомости ссудной казны, составляла 2,49 и 1,19 млн. руб. соответственно [27].

В краеведческой литературе встречается утверждение, что стоимость ценностей, перемещенных в Ейск, достигала 140 млн. руб. [16]. Однако эта цифра не подкреплена никакими документами. Противоречит она и архивным сведениям о стоимости всех серебряных и золотых закладов, которыми располагала Петроградская ссудная казна на 29 августа 1917 г. – 45,3 млн. руб. [28]. Конечно, нельзя исключать, что какие-то сокровища могли дополнительно поступить в Ейск, поскольку новые партии закладов в Москву отправлять опасались, а ценности, поначалу вывезенные в Екатеринбург, позже были возвращены в Петроград.

Большевики в условиях активизации наступления немцев через Ростов на Батайск 11 июня 1918 г. ушли из Ейска. Б.К. Скворцов, руководитель ейской группы чиновников казны, написал в Петроград: «11 июня, в день ухода большевиков из Ейска... мне пришлось взять на себя защиту с оружием ценностей, которые хотели разделить между собой революционным порядком» [27]. Сомнительно, чтобы группа петербургских интеллигентов, даже вооруженных, смогла отстоять ценности от отряда красных. Можно предполагать, что до описываемого инцидента большевики уже воспользовались какой-то частью средств ссудной казны, поскольку в противном случае С. Клово не смог бы осуществить набор нового состава 2-ой Внеочередной дивизии. Среди населения ейских станиц еще в 1970-1980-е годы существовало убеждение, что казаки шли в большевистские отряды даже после кровавого разгрома казачьих отрядов под Ейском, потому что летом – осенью 1918 г. красные платили военным служащим жалованье большее, чем в Добровольческой армии [29]. Но для этого им требовался солидный финансовый ресурс.

24 июня в Ейск прибыли член Кубанской рады А.И. Кулабухов (в 1919 г. повешенный по приговору военного трибунала за сепаратизм) и, вероятно, наказанной атаман А.П. Филимонов. Под предлогом того, что Ейск могут занять немцы, они склонили Б.К. Скворцова к срочной эвакуации ценностей в

Екатеринодар. При этом всячески настаивали на использовании активов в интересах Кубанской области, в том числе открытием ломбардов. Руководитель ссудной казны, воспользовавшись тем, что эшелон с деньгами, ценностями и чиновниками застрял на станции Тихорецкой, где в этот момент находился штаб Добровольческой армии, обратился к генералу А.И. Деникину и его начальнику штаба И.П. Романовскому [27]. Видимо, после вмешательства последних Кубанская рада и Правительство отказались от попыток захватить контроль над средствами ссудной казны. Поскольку возврата ценностей ни в Москву, ни в Петроград впоследствии не произошло, хотя об этом и велись разговоры, можно констатировать, что часть средств Петроградской ссудной казны фактически попала под контроль Вооруженных Сил Юга России.

Чтобы получить представление о том, насколько серьезными для белых в финансовом отношении были ценности, находившиеся в июне в Ейске, обратимся к денежным поступлениям в казну Добровольческой армии из разных источников (таблица).

Таблица

Некоторые сведения о поступлении средств в казну Добровольческой армии

Дата	Сумма, млн. руб.	На какие цели, источник финансирования	Данные
ХII.1917 г.	15,0	Добровольческая армия получила 50% средств от раздела госбанка в г. Ростове-на-Дону	[30, с. 103]
01.1918 г.	6,5	От предпринимателей г. Ростова-на-Дону на борьбу с большевиками	[31, с. 21]
02.1918 г.	6,0	Алексеев собрал на «белое дело»	[32, с. 28]
I-III.1918 г.	1,0	Месячная потребность Добровольческой армии	[33, с. 248]
лето 1918 г.	76,0	Немцы ген. Краснову на создание «Южной» и «Астраханской» армий, «Саратовского» корпуса	[33, с. 256], с. 256
осень 1918 г.	4,0	Месячная потребность Добровольческой армии	[32, с. 248]

Из таблицы видно, что потребности Добровольческой армии в разные периоды 1918 г. существенно менялись. Это объяснялось разным уровнем инфляции и состояния войск. Напрямую сопоставлять данные о стоимости серебряных закладов и денежных средств ссудной казны с данными таблицы непросто – требуется введение поправочных коэффициентов. Но все же можно предположить, что петроградские ценности, хранившиеся в Ейске, вряд ли играли решающую роль в финансовом пополнении казны Добровольческой армии. Именно поэтому сюжет с «ейскими сокровищами» не отражен ни в воспоминаниях А.И. Деникина, ни в публикациях других видных деятелей белого движения. Думается, ситуация была бы радикально иной, если бы белые получили 140 млн. руб. Петроградской ссудной казны. Такая сумма могла существенно повлиять на преодоление финансового кризиса в тылу ВСЮР уже осенью 1918 г. – летом 1919 г. [34].

Примечания

1. *Красный десант. Эпизод революционной борьбы в 1918 г. с немецким оккупантами в Таганроге.* Под ред. Губарева К.В., Боброва Д.И. – Таганрог, 1927. – С. 3.
2. Хмелевский К.А. К истории красного десанта // *Краеведческие записки.* – Вып. II. – Ростовское книжное издательство, 1964. – С. 105-114.
3. Савченко В.А. *Двенадцать войн за Украину.* – Харьков: Фолио, 2006. – 414 с.
4. Гришков Я.Г. Из истории борьбы рабочих и трудящихся масс крестьянства Таганрога и Таганрогского округа за власть советов (1917-1918 гг.). // *Краеведческие записки.* – Вып. II. – Ростовское книжное издательство, 1964. 1964. – с. 53-104.
5. Гусев К. *Крах партии левых эсеров.* – М.: Изд-во Социально-экономической литературы, 1963. – 242 с.
6. Сагацкий И. С Назаровым под Вознесенском // *Военная быль.* – 1959. – № 28-32.
7. Снесарев А.Е. *Дневник. Май-июнь 1918* // <http://a-e-snesarev.narod.ru/trudi.html>
8. Рубцов Ю.В. *Мехлис. Тень вождя.* – М.: Вече, 2011. – 384 с.
9. Обертас И.Л. *Командарм Федько.* – М.: Воениздат., 1973. – 145 с.
10. Корнильев А. *Таганрогский десант* // *Приазовские степи.* – 3 января 1968 г.
11. Хижняк И.Л. *Годы боевые.* – Краснодар: Краснодарское книжное изд-во, 1973. – С. 135-139.
12. <http://mdyug.ru/viewforum.php?f>
13. ГАКК, Ф. Р-692. Оп. 46
14. Родионова Н.Б. *Социокультурный облик горда Ейска второй половины XIX – начала XX в.* // *Большой Ромбит.* – Ейск, 2010. – С. 99-115.
15. Блюменталь. *Отчет Ейского торгового порта за 1923 г.* Архив Ейского историко-краеведческого музея им. В.В. Самсонова. 60 с.
16. Климентьев Г.В. *С любовью о Ейске.* – Краснодар: Краснодарские известия, 1998.–167 с.
17. <http://ru.wikipedia.org/w/index.php?oldid=5741698>
18. *Красный десант* // *Южное слово.* – № 23, 13 июня, 1918 г. – С. 10.
19. Nachtigal R. *Krasnyi Desant: Das Gefecht an der Mius-Bucht. Ein unbeachtetes Kapitel der deutschen Besetzung Südrusslands 1918 in Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, vol.53, bo 2, pp. 221-246.*
20. *Карта Таганрогского залива.* Издание Гидрографического управления РККФ, декабрь 1928 г. Из фондов личного архива капитана Таганрогского порта П.К. Ханахбеева.
21. Котенко Е.А. *Неподвластно забвению.* – Краснодар: Краснодарское книжное изд-во, 1987. – 188 с.
22. *Декреты Советской власти. Т. 2.* – М.: Политиздат, 1959.
23. Ганин А. *Смоленский дневник Снесарева* // *Родина.* – 2013. – № 9.
24. Абрамович А.Л. *Вместе с Троцким.* // *Военно-исторический журнал.* –1990. – № 8. – С. 17-23
25. Грей М. *Мой отец генерал Деникин.* – М.: Парад, 2003. – С. 156.
26. Вернадский В.И. *Дневники 1917-1921 гг. Октябрь 1917 – январь 1920 г.* – Киев: Наукова Думка, 1994. – 272 с.
27. Дорошенко А.А. *Ейск и сокровища ссудной казны.* // *Деловой Ейск.* 2013. – № 36. – С. 5.
28. ЦГА СПб. Ф. 143. Оп. 4. Д. 1. Л. 47.
29. *Устное сообщение Бирюкова В.П.*
30. Лехович Д.В. *Белые против красных. Судьба генерала Антона Деникина.* – М.: Воскресенье, 1992. – 368 с.
31. Козлов А.И. *Предисловие к книге. А.И. Деникина. Поход и смерть генерала Корнилова.* – Ростов-на-Дону: Ростовское книжное изд-во, 1989. – С. 3-24.
32. Деникин А.И. *Очерки русской смуты.* – Минск: Харвест, Т.1, 2. –2002.
33. Кисин С. *Деникин. Единая и неделимая.* – Ростов-на-Дону: «Феникс», 1992. – 412 с.
34. Карпенко С.В. *Наступление ВСЮР на Москву летом 1919 г.: победы на фронте и кризис в тылу* // *Новый исторический вестник.* – 2009. – № 21.

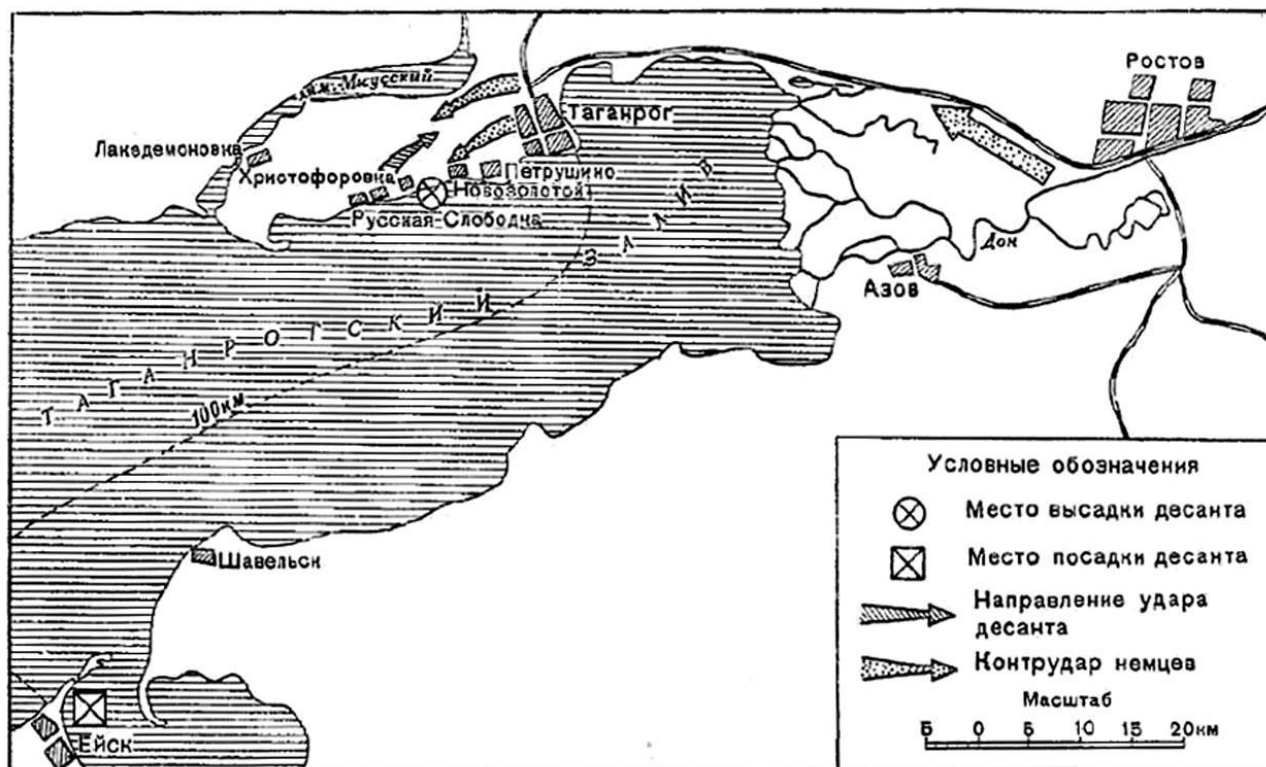

Рис. 1. Схема высадки «Красного десанта» под Таганрогом

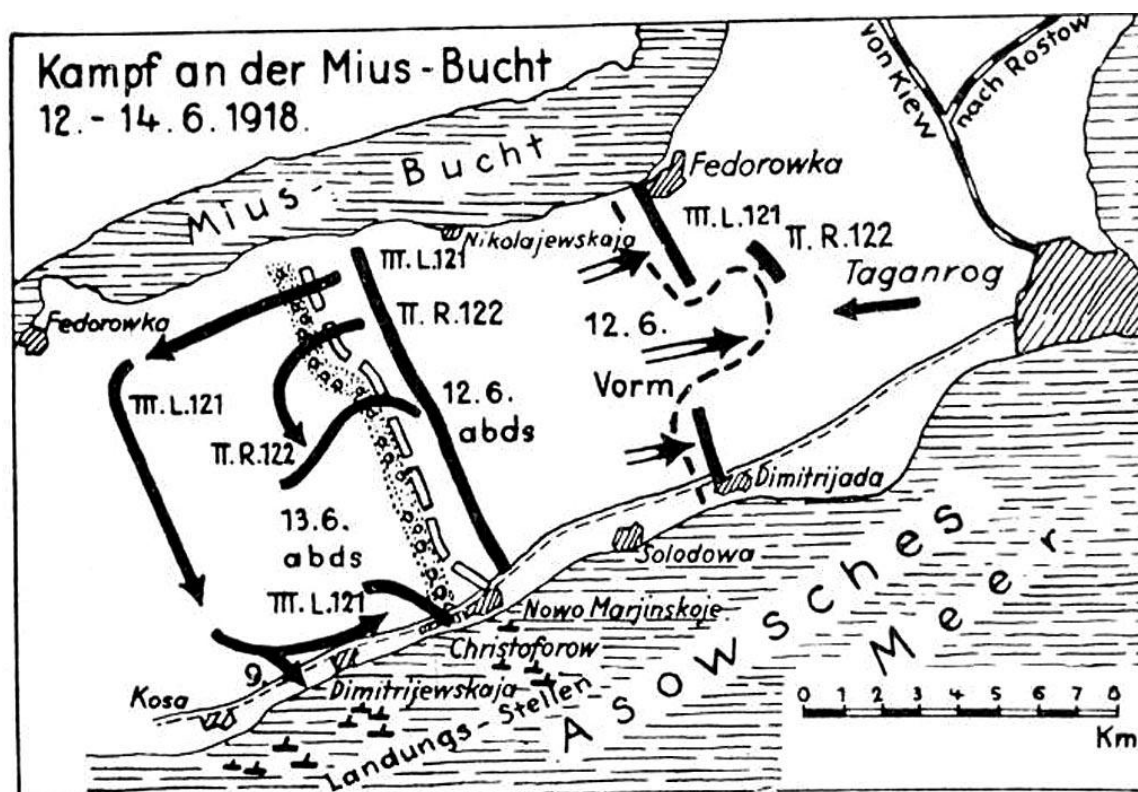

Рис. 2. Схема боёв «Красного десанта» с немецкими войсками под Таганрогом 12-14 июня 1918 г.

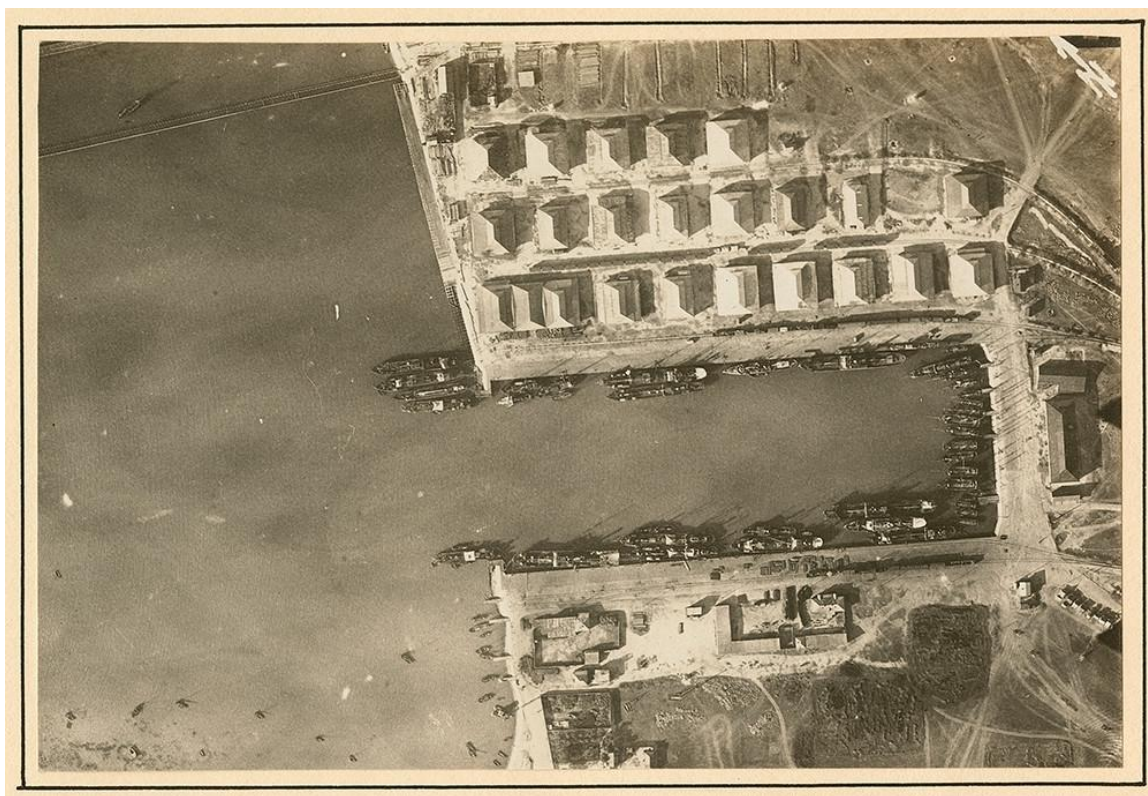

Рис. 3. *Аэрофотоснимок Ейского порта, сделанный немецкими летчиками. Май-июнь 1918 г.*

Рис. 4. *Захваченные немцами суда «Красного десанта» под д. Христофоровкой. Июнь 1918 г.*